

1. БЛАГОСЛОВЛЯЮ МИЛЫЕ ЧЕРТЫ

Мне не довелось встретиться с Натальей Медведевой при жизни. Но читаю ее стихи, и появляется ощущение, что знакомство состоялось, хотя и за пределами нашей бренной реальности, в том бессмертном мире, который *«весь, как лес листвой, дрожал песнетвореньем»*.

В воссозданном в Саратове в начале двухтысячных литературном салоне Бориса Медведева царил атмосфера памяти о ней — ярком, неординарном человеке и замечательном поэте. Друг Натальи Медведевой журналист Ирина Крайнова сумела в своих очерках свести воедино все линии творческой (а иной у поэта и быть не может) биографии. Портреты молодой Натальи Михайловны, стоящие перед книжным рядом, картины и книги — все представлялось мне, приглашенной к Медведеву на святочной неделе 2001 года, овеянным светлым волшебством поэзии. Слово бы я совершала путешествие в страну прошлого, в 80-е годы минувшего века. И теперь собрались многие из тех, кто приходил к Медведевым 20 лет назад: Михаил Муллин, Светлана Кекова, Михаил Лубоцкий, Николай Куракин, Александр Амусин... Было чтение стихов любимого ею Максимилиана Волошина и, конечно, ее собственных стихотво-

Наталья Медведева

рений. Запомнился мне щедрой своей живописью дифирамб выставке цветов, которую поэт видит словно в разных измерениях: цветового спектра, музыки, речи — и цветочный базар превращается в сияющий космос.

И все это — вместе,
И все это — сразу,
И это не вместит
Беспомощный разум —
Подумайте сами! —
А думать легко ли,
Когда чудесами
Пропахли левкой.

И рядом — завораживающая музыка моря и скал, когда различаешь гул гневного прибора, долго недоумевая потом, как из простых и обыкновенных слов получается такое чудо. *«Там гряда высока, / там о море и скалы / рвет и ранит бока / тело грузного вала. / Ограниет гранит, / Бьет упруго и грозно, / острой грани дарит / раны белую розу...»* Тогда

да я для себя открывала неизвестного мне доселе поэта, «иной мир» — *«сплошным сердцебиеньем / он весь, как лес листвой, / дрожал песнетвореньем, / он весь кровоточил / то радостью, то мукой, / он следствий и причин / не поверял наукой»*.

Еще до того, как появился литературный салон у Б. Медведева, в Центральной городской библиотеке Саратова проходили вечера памяти поэта, которые всегда старались приурочить к 3 сентября, дню рождения Натальи Михайловны. Организаторами их были Борис Медведев, Николай Куракин и Ирина Крайнова.

На вечерах этих неизменно поражали меня романсы Виталия Растегаева на стихи «Осенние цветы» и «Гуси-белые лебеди». Исполняла их Вера Самойлова, заслуженная артистка России.

Зал был полон, и это говорило о признании. О том, что стихи Медведевой любят и помнят, и у нее сложился свой круг читателей. А ведь у поэта не было издано ни одной книги стихов. Оказывается, было достаточно того, что стихи печатались в журналах «Москва» и «Литературная учеба», в сборнике «День волжской поэзии». Последней публикацией стала поэтическая подборка в коллективном сборнике «Двадцатилетние двухтысячных» (2000), выпущенном клубом «Диалог». Остались замечательные романсы на стихи «Осенние цветы» и «Гуси-белые лебеди». Голос Медведевой живет на магнитофонной пленке, не один раз, благодаря журналисту Надежде Макеевой, звучал по саратовскому радио. И теперь, когда передо мной лежит рукопись будущей книги, эти интонации невольно приходят на память.

За строкою — две новых строки...
Море долгую песню слагает.
Бесконечно слагает стихи,
и волна на волну набегают...

В авторской подаче стихотворения главенствует не только традиционное подчеркивание музыкальности строки, но и обращенность к слушателю, мелодическое «рассказывание».

И музыка вихает у плеча,
Звучит волне и в нас, не угасая,
И мир от одиночества спасая,
Горят любовь, поэзия, свеча.

Лирическая героиня Медведевой обращается к другу, любимому, близкому человеку. Множество стихов Наталья Медведева посвятила друзьям. Это и «Пегас в Быково (письма при нелетной погоде)», адресованные Михаилу Муллину и Николаю Куракину, и посвящение Ирине Крайновой «Да пребудешь ты нежно хранима...». И стихотворение «Мама» (Э.В. Розиной), и «Памяти Михаила Чернышева» («От рожденья до смерти — лишь миг...»), и ему же, Михаилу Чернышеву, подаренный акростих «Мне снится юным старый друг...», «Три посвящения», «Письмо с юга».

Пробившись через дебри суеты
На свет, поэзией и мыслью воссиянный,
Благословляю милые черты,
Зовущиеся дружбой и друзьями.

«Знакомых не приемля в круг друзей, / Мы в незнакомых прозреваем друга». «Ненаписанное письмо» продиктовано благодарностью — «хорошему человеку» за то, что он есть и помнит «из дальней дали».

Дружба — лишь одна из граней всеохватного чувства родства с людьми, с миром, вселенной:

Я живу — и в родную планету
Я вырастаю узлами корней.
Я живу — и душою своей
Я родима вселенскому свету.

Читая стихи Медведевой, видишь перед собой человека, который был духовным, объединяющим центром. Общий уровень пишущих в «Молодых голосах» ее не устраивал, и потому Медведева предприняла в начале 80-х годов прошлого века удачную попытку создать свое, «нелегальное» литобъединение, литературный салон. С легкой руки Николая Куракина Наталью Михайловну называли «княгиней Волконской эпохи саратовского застоя». Определение это тем более привлекательно, что Медведева была известна тогда под другой, «Волконской» созвучной, фамилией — Уманская.

У Медведевых собирались поэты, многие из которых и доныне определяют поэтическое лицо города. О литературном салоне Наталии Уманской у них сохранились самые светлые воспоминания. О той атмосфере веселой непринужденности, которая прочитывается и угадывается мной по стихам.

Где-то среди забавных буриме саратовских «арзамасцев» появился замечательный, «ну просто гениальный поэт» Федул Лаврович с забавной фамилией Мемуракин (Медведева — Муллин — Куракин), дальний родственник Козьмы Пруткива, «поэт, каких не было, нет и не надо», добрейший в своей карлсоновской самоуверенности персонаж, над чьими подвигами можно смеяться до бесконечности.

Постоянный диалог с друзьями наполняет стихи энергией света. Ведь в поэтическом мире многое держится на экспромтах, переключках, акростихах. На пересечении нескольких творческих аур. Такова история взаимных стихотворных посвящений Натальи Медведевой и Николая Куракина. В 1980 году Николай Куракин написал сонет «Друзьям», который завершается такими строками:

...А может, просто повезло,
Что обстоятельствам назло,
Друзья, мы обрели друг друга!

В скором времени Наталия Медведева откликнулась акростихом.

Когда я думаю о Вас,
Уютно на сердце и знобко.
Размашисто, хоть втайне робко,
Азартны были вы в тот раз,
Когда впервые в дом вошли
И, восхищаясь — восхищали,
Не ведая, что воскрешали
Умершие мечты мои.

Романтическое слово «мечта» связано было со стремлением обрести друзей близких по духу, равных. Осенью 1979 года Николай Куракин приводит Медведеву в литобъединение «Молодые голоса», где она знакомится с теми, кто станет затем завсегдатаями ее салона: с Михаилом Муллиным, Михаилом Лубоцким, Александром Амусиным, Николаем Татаренко (Кононовым).

Узор прежнего посвящения повторился на новом жизненном витке, когда Наталия Медведева переживала тяжелый кризис. *«Когда почти невозможу / Уже мне стало в мире этом, / Раздвинув боль и темноту, / Азартным, сбывшимся поэтом / Как вовремя явился ты! / И нашей юности черты / Напомнили мне, как мы прежде / Умели доверять надежде».*

Глубокое доверие к жизни характеризует Наталью Медведеву и в этот период. Для нее и для ее друзей существуют постоянные, незыблемые основы. Дружба. Надежда. Вера в Слово.

2. ЗДЕСЬ ДЛИТСЯ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ

Стиль Медведевой менялся на протяжении жизни, и мы можем наблюдать цепь влияний и творческих привязанностей (Пушкин, Цветаева, Ахмадулина). Ее стихи не были «списком» с того или иного поэта — но установлением родства, дружеским рукопожатием, кивком через бездну.

Упрекают — похожа
На того, на другого...
Так и должно, быть может:
Мы — как Слово и Слово,
Мы — как Песня и Песня,
Горло хриплое века —
Глас последних известий
О душе человека.

Медведева наделена была редким даром — умением вживаться в образ родственной (и все-таки не своей) поэзии, понять язык ее и слог, установить диалог с близким по духу поэтом — и при этом остаться собой.

«Разговор» с Пушкиным Медведева ведет на протяжении всей своей жизни. *«Пера небрежная проверка»*, лирическая поэма «Пегас в Быково», созвучна пушкинским «Домику в Коломне», «Евгению Онегину», переключаясь с ними многочисленными обращениями к читателю и разговорным, эпистолярным слогом. Ясность стихотворной строки, непринужденность поэтической речи — снова и снова возвращают нас к первоисточнику русской поэзии.

Непреодолима власть поэзии, в которой слово и любовь едины. А слово, как Бог, бессмертно.

Здесь время терпит поражение,
Здесь пенье сосен, снег и свет,

Здесь длится чудное мгновенье
Все полтораста с лишним лет...
«В Святогорском монастыре».

Ранние стихи уходят корнями своими и в творчество Ахмадулиной. Особенно «Старый чердак» и «Пробуждение» вызывают несомненные ассоциации с ахмадулинским строем стиха. Способствует ли этому структура глубокой корневой рифмы или сами интонации ораторского стиха с его риторическими фигурами, или склонность к стилизации «старомодности вековой» — но переключка явственно звучит. От увлечения стихами Ахмадулиной, несомненно, появилось и много ценностных «находок» — стремление к вневременному, точнее, надвременному прекрасному, обожествление былого и поэтов прошлого, жажда гармонии с природным миром. Желание

...вобрать душою, как вдохнуть,
строенья в мареве по грудь,
и солнца желтое лукошко,
как бы забытое в траве,
где зелень всходит к синеве,
на грани облака и рощи;
лучом дрожащим с тела смыть
бензин и суету забыть,
и сделаться доброй и проще...

Яркая энергетика вынесена поэтом из диалога с Мариной Цветаевой. Стихию личностного, анархизм индивидуальности Медведева преодолевает строгой классической интонацией. Стихотворение «Суздаль» тому пример. «Кто это создал? — / Здесь Бог да удал. / Здесь в полдень звезды... Все это — Суздаль...» В этом отзывающемся цветаевским слогом стихотворении высвечивается личность иного поэта — с главенствующей мыслью о равенстве, о единстве Человека с Вечностью. Медведева говорит о «многоступенчатости любого глубокого чувства... наша русская матрешка — не игрушка, а глубокий символ».

«И в этой равности / Есть смысл особый, / Святой и радостный, / Простой, высокий. / Грядущих свечек / Цепочка светится, / Уходит в вечность / И тонет в вечности...»

Стихи переполнены предчувствиями, подводными течениями души. Образы ночи и моря соединяются в космос. «Ночь стоит, как вода...» «Море долгую песню слагает...» Во вневременном и бессмертном космосе все соткано из взаимосвязей. «...С собою всех рожденных, всех убитых / вдруг ощутишь пронзительную связь...».

Я — лишь краткая вспышка сознания
в бесконечном кругу бытия,
но кирпичик в бессмертное здание
Бог вложил под названием — я.

Каждое стихотворение Медведевой обладает «вторым ликом», оборотной стороной и противоположностью. Стоит вспомнить любимое автором слово «неравновесие» (предполагаемое название для несостоявшейся книги). «Я одного хотела б не успеть: / не испытать отравы равновесья / меж тем, что надо нам, и тем, что есть».

Так связаны между собой «Зеленая звезда» и «Ночные стихи». Оба они — о любви, не сумевшей подчиниться законам времени: «...Разбей же все часы, разрушь / проклятый циферблат небесной сферы, / останови плывущую звезду, / и я навек тогда в тебе взойду / зеленым светом нежности и веры...»

Образы в обоих стихотворениях сходны. Меняется лишь взгляд лирической

героини. Если в «Зеленой звезде» воплощена молодая еще борьба с жизнью, жажда лишь собственного счастья, то в «Ночных стихах» бесстрастное время преодолевается зрелой любовью.

...И ночь стоит, как темная вода,
как пропасть, что мгновения глотает —
нет, не мгновенья! — капли наших душ...

«Зеленая звезда».

...А мы плывем от времени примет,
от пристани вчерашней — к новой пристани,
и ночи зрак, медлителен и пристален,
как Бога темный лик, глядит нам вслед...

«Ночные стихи».

Ночь-гибель становится ночью-богом, мудрым взглядом Бога. Достигается согласие с космосом, с жизнью. «Я» и «ты» сливаются в единое «мы». Их уже не беспокоит возможная разлука. Зеленая звезда эфемерна, ее сияние не касается человеческой души. А «свет любви» заключен в самом человеке.

Другую «пару» представляют стихотворения «Мне, уставшей от толп, мне, уставшей от дней...» и «Верните мне любовь...» В первом из них «*Ночь стоит, как вода, без тепла и огня...*» Ночь с ее зазеркалем, мистически отраженным космосом смерти, словно перекочевала из «Зеленой звезды». Чаша весов в «неравновесии» качнулась к безысходности.

«И бездонен тоннель, и глядят зеркала, / и в толпе, что в пустыне, — зови, не зови... / Я у смерти прошу, что мне жизнь не дала: / тишины и любви».

Любовь остается здесь вне дневного времени, а, по сути, вне жизни.

«...Жизнь проходит, уходит... что знаю о ней? — / просто птица на легких крылах...»

Во втором стихотворении любовь принадлежит целиком этому миру:

Верните мне любовь,
как боли — исцеленье,
как умершему — боль,
Сальери — вдохновенье...

Лирическая героиня пытается вырваться из быстротекущего потока времени, уйти через «*упругий купол небосвода*». Может быть, поэтому именно ранние стихи Медведевой с их летящей крылатой мелодикой стали песнями. В романсе «Осенние цветы» — несовершенство бытия передано с особой остротой. Невозможность сохранить любовь во времени, пронести ее целой и невредимой через совсем небольшой отрезок человеческой жизни переполняет песню таким непосредственным страстным чувством, что она действительно, говоря словами автора художественных программ радио Н.В. Макеевой, «никого не может оставить равнодушным».

3. ТЫ МНЕ ПРОСТИ МОЮ НЕЗДЕШНОСТЬ

Художник — сотворец мира, Творец мира — великий художник, и грань между ними неощутимо зыбка. Ощущение сопричастности себя к вселенскому бытию гармонирует с нежностью и чистотой снега, с полетом птицы, с близкой холста, на котором творит художник. Холст — его душа, предчувствие нового. «*Себе отстраненно не принадлежишь, / И чужды успехи игрищ и торжищ / В душе — ни торжеств, и не пепелищ: / Душа бесконечна, как белая тишь*». Снег, словно посланец с неба, очищает душу человека и помогает глубоко, по-настоящему процпать.

В этом контексте настойчиво подчеркивается сходство поэта со стихией. Стихия пламени («*Дай костер мне, Господи, / Среди площади!*»), неба, гор, моря — все это поэзия. Кавказские горы привлекали Наталью Медведеву — и воспоминанием о Пушкине, и самой масштабностью, стихийностью — родственной стихии моря. Море возникает в финале стихотворения о солнце:

Купали Рыжего младенца,
Как день — иль сто веков назад.
Зари махровой полотенце
Вселяло утренний азарт.
...И эта яростная чистка,
Клокочущая эта явь
Звала Поэзию включиться
В быт мирового Бытия.

Символ непокоя, неравновесия, как ничто другое, море могло передать душу и характер лирической героини. Стихотворение «Жемчужина», о поэзии говорит образами моря.

Стихи — болезнь моей души.
Вот так песчинка попадает
В жемчужину в морской тиши
И перламутром обрастает.

Поражает сюжетность этого пронзительно личного стихотворения, терпеливое изложение этапов болезни. Попеременный взгляд со стороны и лирическая исповедь — их двуединство. «*Уже во тьме и тишине / Болезнь мерцает перламутром: / Стихи уже болят во мне, / Мой сон тираня ранним утром...*» И по-другому — нельзя. Ибо только так сердце может вместить «гул стихий». Поэт ничего не может написать без страдания, без сострадания.

Любя и сострада, художник чувствует разрушительную природу времени, «*как миг единый обращает в прах / Кичащиеся вечностью созвездья...*» Поэтому творец стремится приостановить разрушение, запечатлев «незримую душу». Природа творчества — в его способности укротить время: «*Пусть не войти вам дважды в ту же реку — / Останется вам память о реке. / Бессильны изменить все силы века, / Что замерло на тоненьком листке...*»

Само время в стихах становится иным: «*Люблю, что утро — вовсе не пролог / Ко дню, что грядет или сгинет дальше, / Что неожиданность лишает фальши, / И календарь развенчанный пророк*». Так — в потусторонности, в «холодной весне», где лирическая героиня «в борении сезонов, как в бреде, не размеряет силы и дорогу». Где капель, безумство весны — повод спросить: «так что ж мы присмирили, / покорные судьбе?» Природа — это образ человеческой души, не затихающей в своей непокорной музыке...

4. ТАК И МНЕ БЕЗ РУСИ — НИ СТРОКИ

Поэтический мир Медведевой необыкновенно сложен и требует от читателя не только эмоционального сопереживания, но и пристального внимания и чуть ли не изучения, сопоставления. Чем сложнее образный мир поэта, тем больше ликов и ипостасей у его лирического героя. Скажем, поэма «Пегас в Быково» выдержана в манере разговорной, как будто бы и в самом деле мы читаем доверительное письмо. «Своевольная музыка болтовни» напрочь отсутствует в гражданственных откровениях — в «Титанике» и «Предчувствии матриархата». В стихах о любви интонация больше всего приближается к традиционно-песенной. («Осенние цветы» (романс) и «Зеленая звезда»).

Но при всем интонационном разнообразии Наталья Медведева продолжает традиции классической русской поэзии по линии Пушкин — Тютчев. Пушкинский слог и пушкинский свет в строке — тютчевское ощущение диалектичности бытия, двойственности жизни, склонность к изображению переходов, перемен настроения. *«Дума за думой, волна за волной — / Два проявленья стихии одной...»* (Тютчев). *«Жизнь и Смерть, и Любовь — все стихи, / и волна на волну набега-ет...»* (Медведева).

К родству с тютчевской поэзией Медведева приходит тогда, когда уже сложил-ся ее собственный стиль. И родство это — не стилевое, а концептуальное, прояв-ляющееся на уровне символов. Взять, например, символ ночи, времени, тающем хаос, или символ всеобъемлющего моря, которое и не просто море, а стихия бы-тия и забвения, управляющая человеком. *«Море вечно, да дни коротки. / Время след наш двойной размывает... Лишь волна на волну набега-ет».*

Даже в «легком», на первый взгляд, пейзажном стихотворении происходит слияние со стихией природы: *«Сугробы пописели, / Снег под домами рыж. / Прозрачные свирели / Свисают с теплых крыш... / И кружат нас капли, / Как льдинки на реке...»*

Бросается в глаза любовь к изображению переходных состояний. *«Мне нра-вится, что холодеет март, / Сезонов года нравится смещение...»* И здесь Медве-дева пишет скорее не о природе, а о себе самой во времени.

...В борении сезонов, как в бреду,
Не размеря силы и дорогу,
Но, как деревья, верные итогу,
Сквозь этот март по времени бреду.

Обращаешь внимание и на такую особенность, как парадоксальная концовка. «Любовь моя, и сила, и бессилье» — на раздваивающейся этой ноте радости, горе-чи и сомнения заканчивается стихотворение «Зеленая звезда». Двойственность эта отразилась в стихотворении «Да пребудешь ты нежно хранима...» с противо-поставлением «жизнь — душа»: «Но, прекрасная в черной оправе, / тихим све-том сияет душа». И в акrostихе «Когда почти невольно...» совершен невысказан-ный переход от «боли и темноты» к «надежде».

В стихотворениях «Море» («Море вечно, да дни коротки»), «Памяти Михаила Чернышева», с его сопоставлением смертного «я» человека и «бессмертного зда-ния» жизни. «Мне, уставшей от толп...» — снова сведены противоречия: суеты и тишины, ночи и дня, любви и смерти.

На протяжении стихотворения лирическое настроение сменяется другим, за-частую диаметрально противоположным, за счет чего создается эмоциональная напряженность. Лирический герой, а вместе с ним и читатель идет, «раздвинув боль и темноту», к свету, к воскрешению мечты, к самоутверждению в бесконе-чном круге бытия.

Медведева признает мудрость жизни, принимает борьбу любви и времени, жиз-ни и смерти, их необходимость друг в друге, их неосуществимость друг без друга. *«Там, в краю голубом, / золотом и беспечно, / их вражда и любовь / продолжа-ются вечно».*

Главенствующей нотой становится любовь. Сила добрая и жизнеутверждаю-щая, воплощенная в каждой строке. *«Как без верна русла — / Нет реки, / Так и мне без Руси — / Ни строки».*

Говоря о любви, трудно избежать ложного пафоса: «А слова-подделки / Вер-ных слов — звучней...» Но, да простится мне перифраз медведевских строк — слова любви труднее молчания. Пусть даже «большая любовь тиха», но все же о любви к родному Медведева говорит постоянно. Она была патриотом в истинном

смысле этого слова. Вот запись из ее дневника: «Как любовь к нашей малой родине становится главным фундаментом для любви ко всей огромной нашей стране, так любовь к отечеству становится фундаментом и источником любви к беззащитному перед нами и родному нашему Земному шару».

Пусть Таити иль Гаити
Увидать мне пока не пришлось,
Слышу пение солнечных нитей,
Пронизавших березы насквозь.

Наталья Медведева была человеком очень общительным. По впечатлениям разнообразных поездок и встреч созданы ею целые циклы стихотворений, лирические поэмы. «Пусть Таити иль Гаити...» связано с поленовскими местами, стихотворение о храме в Новом Афоне — с туристическим путешествием по Волге. «Дорога к Пушкину», «Пегас в Быково» появились после паломничества к пушкинским местам, лирическая поэма-триптих «Воспоминание о Тобольске» — после того, как поэтесса побывала (в середине 70-х годов) вместе с саратовской школой чтеца в Сибири.

Для поэта это не просто поездка, но и путешествие вглубь веков, путешествие во времени, по истории российской.

Так, сутью — вглубь, а сердцем — к свету,
В минувшем — вдаль, в грядущем — вширь,
Мне открывалась часть планеты
С могучим именем — Сибирь.

Поэмы и стихотворение «Храм в Новом Афоне» можно считать преддверьем к «Дневнику» и новым стихам.

5. МОЯ ЛЮБОВЬ НА ВАС БРОСАЕТ ВЗГЛЯД

Наталья Медведева стала писать по-другому после того, как в 1988 году перенесла тяжелую болезнь. Мне не хотелось бы подвергать стилистическому анализу инакость этой манеры письма. В стихах Медведевой появилось нечто, не подверженное никаким рациональным объяснениям. То, что присутствует лишь в некоторых произведениях Поэтов.

Да. Я не подбираю этой сущности имя. Существует «Дневник». Тетрадь, включающая около тридцати прозаических отрывков. Они, по словам Натальи Медведевой, были записаны с Голоса, ей диктующего. «Голос» не похож ни на библейские тексты, ни на... прежние стихотворения. Это что-то иное. Поэтому не стоит, наверное, ссылаться на «память жанра», «стилизацию» Евангелия. Яркая личность творит легенду самой своей жизнью. Теперь важно не то, был ли «Голос» в действительности. А то, с какого же голоса писала Наталья Медведева. О чем он говорил ей.

...О любви земной. *«Не откладывай ни доброе слово, ни доброе дело. Уходит время, и отдаляются души, и не застанешь любимую душу на том месте, где расстался с ней...»*

...О красоте и вечности человеческой жизни. *«И вечный живот даруй ми...» — молитва о жизни смертной, но исполненной веры и любви, ибо тем заслужишь любовь Господа, а любовь Его — бессмертна.»*

...О благе творчества. *«И вняв голосу Господа твоего, иди к людям и носи им свет истины, что Господь зажег в душе твоей; и это твой путь, данный Господом...»*

И вновь по отдельным стихам выстраиваю я поэтический путь Натальи Мед-

ведевой. Я почти ничего не знаю о том, как жила Медведева в 90-е годы. Скорее всего, это был самый трудный период в ее жизни. Как то часто бывает, на него и пришелся «творческий взрыв», когда стихи ее вступили в диалог с мятущимся двадцатым веком, наполнились предчувствием мировых катастроф и предощущением глобальных перемен. Это «Титаник», «Предчувствие матриархата», «Медея», «Я верю в Бога. Знаю имя Бога...», венок сонетов «Жизнь».

Лирическая героиня поздних стихов видит во временном приметы вечности. Прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно, Россия — в контексте космоса, в ореоле мифических образов. Космический образ России — Суздальской церкви — «Здесь в полдень — звезды» — еще светлый и умиротворенный. Теперь близость рубежа обращает Медведеву к реминисценции из стихотворения Блока. *«Как век назад — мы дети страшных лет — / России ли? Земли? Чего то боле?..»*

«Титаник» — одно из самых мощных гражданских стихотворений. Символика «Титаника» многопланова.. *«Как меж Сциллою и Харибдой — / Мы плывем меж воряем и враньем...»* За мифическими образами просматривается глубоко русское восприятие жизни: в духе того, что будущие-то поколения будут жить лучше (может быть), а мы...

Нас иная пора — не застанет.
Веселись и бесчинствуй, народ!
Словно айсберг судьбы, на «Титаник»
Наплывает двухтысячный год.

Пророческая сила «Титаника» сказалась два года спустя после его написания. 11 августа 2000 года погибла АПЛ «Курск». 11 августа 2000 года — дата смерти самой Наталии Медведевой.

Рядом с «Титаником» стоит уже упомянутое «Предчувствие матриархата». Оно декларирует авторские ценности наиболее явно и ярко, соединяя в себе многие линии в поэзии Медведевой — от гражданской до любовной: *«Уходит доброта, как кровь из жил. / Век умирает в судорожной злобе. / Судьбой извечно прокляты, кто жил / на время раздирающем изломе... Но не конец тысячелетья, нет — / крах прежней веры — вот источник боли...»* Последние строки почти повторяют заключение «Титаника»: *«Любить. Жалеть. Прощать и понимать — / придет пора. Нас только не застанет...»*

В сонете «Материнство Земли» воплотилось пронзительно ясное осознание себя в контексте времени, эпохи, вечности:

Не тяжела ль беременность грядущим
Тебе, познавшей без числа утрат,
В ракетном веке, яростно ревущем,
Истоптанной подковами солдат?

Показателен приход к сонетной форме. В нем естественность строки сочетается с совершенством техники. Самой формой своей он выражает совершенство мира, «замкнутого в магический круг». По сути, это своеобразная поэма. Венок сонетов «Жизнь» обладает четким сюжетом и проводит излюбленную мысль Медведевой о бесконечности жизни: «Живому все — живое продолженье».

Жизнь бесконечна, как венок сонетов,
что разнотравьем пестрым увенчал
историю, где нету послесловья.
Где словно у начала всех начал
склонилась жизнь над детским изголовьем.

Спутником венка сонетов «Жизнь» становится стихотворение «Как тонкий тянется дубок...» Тот круг, который образует веночек, представлен поэтом здесь, как осознанная необходимость: «Природа, зная на зубок / урок извечный, ходит кругом...» Светлая завершенность заключена в том, что

...расставанья не грозят
тому, кто в этот хоровод,
как в реку вечности, войдет,
где нет утрат, но вновь и вновь —
жизнь, слезы, память и любовь.

Круг превращений бесконечен.

Пусть говорят о том, что умерла,
но и печаль да будет вам светла.
И это просто времени пора
меня укрыла, но не погребла.
И кроны так торжественно шумят,
и небо так огромно глубоко.
Моя любовь на вас бросает взгляд,
да будет вам спокойно и легко.

Это строки — из последних стихов Натальи Медведевой. Записи эти были найдены уже после ее смерти. Она не боялась писать о ней — «мы знаем, смерти нет». Для Бога нет времени, «для бога мертвых нет», как писала Анна Ахматова.

Мне кажется порою, что поэту была доступна истина потустороннего. В стихах не ощущается грани между тем и этим миром. «Заснул поселок. В небесах одно / Не спит внимательное око... иль окно?» Помимо звукового сходства между словами «око» — «окно» намечен необычный сдвиг смысла, утверждающий естественность присутствия Бога рядом с человеком, в ночи, в каждом камне, в тени. Деталь создает живое ощущение потусторонности в рисунке видимой реальности, в пейзаже, в травинке, в звезде, в полоске ночного неба: «Витыми теплится свечами / Луной зажженный гибкий дрок, / И что-то важное над нами — / Такое, как когда-то — Бог...» («Воспоминание»).

Поэт ощущает единство бытия, в котором нет великого и малого. Равно светят нам небесное око и окно в поселке, и бор представляется вселенской церковью, собором. Поэзия сама — частица творения Бога. А «поэт — лишь дудочка любви».

Ощущение пронзительной связи «всего со всем» — стержень поэзии Медведевой.

...И человечества дорога,
и звездный путь — едины. Верю в Бога
с простым, всесильным именем — Любовь.

АКАЦИЯ

Вдоль улочки тихой, короткой
На желтый акации цвет
Мы мчались ватагой неробкой
Из послевоенных лет.

Нам застил склоненья, задачки
Акации солнечный свет:
Ее золотые «собачки»
Нам были вкуснее конфет.

А после — стручки наливались,
И, вылизав мякоть бобков,
Как весело мы заливались
Оркестром стручковых свистков...

С тех пор утекло полстолетья.
Квартал загазован и пуст.
Лишь тихо в душе моей светит
Акации солнечный куст...

* * *

...Меж пальцев, меж ресниц, а коль угодно —
между листком и кончиком пера —
сквозь тонкую мембрану, сквозь *сегодня*
уходит наше *завтра* во *вчера*.

Меня вчерашней — нет. Сегодня я иная.
Я девочку туманно вспоминаю:
она была, жила и умерла,
родив меня, как колос из зерна.

Умру и я, рождая новый колос...
Но цепи превращений есть предел:
уйду навек, оставив горстку дел.
А что еще? — останется мой голос!

* Наталья Михайловна Медведева (1943–2000). Родилась в Саратове. Окончила физический факультет Саратовского государственного университета. Работала преподавателем в средней школе. С 1963 года публиковалась в местной периодической печати. Печаталась в журналах «Москва», «Литературная учёба», в коллективных сборниках, выпущенных Приволжским книжным издательством. В 2008–2018 годах стихи Н.М. Медведевой публиковались в журнале «Волга – XXI век».

Осуществленья жаждет все, что будет,
мембрана дня вибрирует, как бубен.
Мольбою о любви останься в ней,
мой голос, мой ребенок меж людей...

* * *

Мне, уставшей от толп, мне, уставшей от дней,
погадай, ночь-цыганка, на двух зеркалах.
Жизнь проходит, уходит... что знаю о ней? —
просто птица на легких крылах.

Ночь стоит, как вода, без тепла и огня.
Не мигая, друг в друга глядят зеркала.
В бесконечных ладонях сжимают меня
два блистающих тьмою стекла.

И бездонен тоннель, и глядят зеркала,
и в толпе, что в пустыне, — зови, не зови...
Я у смерти прошу, что мне жизнь не дала:
тишины и любви.

* * *

*Ф. Полену,
Н. Суловичу*

Пусть Таити или Гаити
Увидать мне пока не пришлось,
Слышу пение солнечных нитей,
Пронизавших березы насквозь.

Словно зерна обронены в пашню,
Где лучи упадают в траву,
К солнцу тянутся блики ромашек
И вплетаются в синеву...

Повидаю далекие страны,
Порт-Антоньо и мыс Хаттерас,
Но вернусь вот на эту поляну,
Лишь почую последний свой час.

И навеки останусь я тут,
На березовом буйном погосте,
И ромашек пушистые гвозди
Сквозь ладони мои прорастут.

Но пока это все нам далече.
Океаном пространств и времен
Мы поэзии теплые свечи
На морях и на суше несем.

Напоите ль насмерть,
 Да хмельным винцом,
 Уложите ль навзничь,
 Да лихим свинцом —

Слово то, заветное,
 У меня одно:
 Тихо-незаметное,
 Словно речки дно.

Как без верна русла —
 Нет реки,
 Так и мне без Руси —
 Ни строки.

Там, где узко-мелко,
 И ручей — звончей.
 А слова-подделки
 Верных слов — звучней.

Промолчу поэтому.
 Ты прости меня,
 Боль-любовь поэтава,
 Русь моя...

ВОСХОД

Начало моего рассказа
 Укрыто в предрассветной мгле,
 В предгорьях Главного Кавказа,
 За миг до света на земле.

Как смесь поэзии и прозы,
 Несущая высокий вздор,
 Белье крахмальное с мороза
 Напоминали груды гор.

Оповещало их мерцанье,
 Хотя внизу лежала тьма,
 Что для великого купанья
 Та затевалась куптерьма.

Купали Рыжего Младенца,
 Как день — иль сто веков назад.
 Зари махровой полотенце
 Всеяло утренний азарт.

Пеленки расшвыряв, к купели
 Дитя огромное несли,

Изъяв его из колыбели —
Из горизонта там, вдали.

Отфыркиваясь, ерепенясь,
Оно крутило головой,
Так, что разбрызгиваясь, пенясь,
На берег вылезал приборь.

Глаза зажмуривши, орало
На белый свет, как на весь дом,
И мыльнопенное мочало —
Висело облако на нем.

Потом, умытое с восхода,
Играя с синею волной,
К игрушечному пароходу
Тянулось тонкою рукой...

А море, солоно от пота,
Не затихало ни на миг,
И волн упругая работа
Вносила юность в старый мир —

Они с камней, обросших мхами,
Сдирали прочь осклизлый слой,
И пляжем гулко громыхали,
Как бы стиральной доской:

Ложась на гальку пенной пленкой,
Смывая пошлость мшистых слов,
Стирали старые пеленки
Для нарождавшихся веков.

И эта яростная чистка,
Клокочущая эта явь
Звала Поэзию включить
В быт мирового Бытия:

Не брезгуя скрести и чистить,
Стирать, сдирать наносный слой,
Чтобы свободно и лучисто
Всходило солнце над землей.

И сил не тратить, чтоб напрасно
Внимать хвале или хуле,
Но — жить так юно и прекрасно,
Как в миг рассвета на земле.

* * *

Верните мне любовь,
как боли — исцеленье,
как умершему — боль,
Сальери — вдохновенье.

Слепцу, скопцу вдвойне,
забывшей вкус и запах,
оглохшей так внезапно,
что в этом мире мне? —

мне, знавшей мир иной:
сплошным сердцебиеньем
он весь, как лес листвою,
дрожал песнетвореньем,

он весь кровоточил
то радостью, то мукой,
он следствий и причин
неверял наукой...

Молю: ценой любой,
любой ценой, поверьте —
верните мне любовь
хотя б за миг до смерти.

МОРЕ

За строкою — две новых строки...
Море долгую песню слагает.
Бесконечно слагает стихи,
и волна на волну набегаёт.

Наши взлеты и наши грехи,
как толпу зеркала отражают,
море перелагает в стихи —
и волна на волну набегаёт.

Море вечно, да дни коротки.
Время след наш двойной размывает.
Пара строчек запала в стихи —
и волна на волну набегаёт.

Кто велики пред ним, кто мелки?
Словно гулкую гальку катает:
Жизнь, и Смерть, и Любовь, все — стихи,
и волна на волну набегаёт.

О бессилие мудрых стихий!
Мы уйдем — и никто не узнает...
И кому прочитает стихи?
Лишь волна на волну набегаёт...